

A close-up portrait of Alexey Pushkov, an older man with grey hair, wearing a dark suit jacket, a light blue shirt, and a purple tie. He is resting his chin on his hand, looking thoughtfully at the camera. The background is dark.

**АЛЕКСЕЙ
ПУШКОВ**

**МИССИЯ РОССИИ
ХВАТИТ ЛИ
ПУТИНУ СИЛ?**

Алексей Пушков

**Миссия России. Хватит
ли сил у Путина?**

«Алисторус»

2016

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2)

Пушков А. К.

Миссия России. Хватит ли сил у Путина? / А. К. Пушков —
«Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906861-81-8

Алексей Константинович Пушков – политолог, профессор, глава Комитета Госдумы по международным делам, автор и ведущий популярной телевизионной программы «Постскриптум», – в своей новой книге показывает, как «перезагрузка» в российско-американских отношениях сменилась новой холодной войной США против России, обозначает основные ее этапы и приводит картину изменившейся международной обстановки. Автор книги, который весной-летом 2014 г. был включен в санкционные списки США, Канады и Австралии, подробно описывает безуспешность попыток США изолировать Россию и вытолкнуть ее на обочину мировой политики. Партия Путина и Обамы, где проигрыш чреват геополитической катастрофой для одной из сторон, в самом разгаре – за ней схватка двух глобальных подходов, двух миров, двух цивилизаций.

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906861-81-8

© Пушков А. К., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От Мюнхенской речи до Евразийского Союза	6
Мюнхенская речь: «цинизм» или реализм?	6
В чем точно оказался прав Путин	7
Как не стать лошастью под американским всадником	8
Закат Европы?	11
123 000 000 000 000, или Кто тратит больше всех на Елисейских Полях	13
Новая зона влияния с центром в Пекине	15
Зачем США демократизация КНР	16
Российско-китайский вызов Вашингтону	18
Юбилей Путина и Евразийский Союз	20
Россия – Китай: формирование тандема	22
Евгений Примаков: разворот во имя России	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Пушков
Миссия России. Хватит ли сил у Путина?

© Пушков А.К., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От Мюнхенской речи до Евразийского Союза

Мюнхенская речь: «цинизм» или реализм?

«Мы удивлены и разочарованы высказываниями президента Путина. Его обвинения неверны», – заявил по поводу Мюнхенской речи Путина представитель Белого дома. А чем же они неверны? Разве лидеры НАТО не обманули Москву, когда обещали не расширять альянс на Восток? Обманули. Разве они не давали гарантии России, которых не выполнили? Давали. Разве мир, где господствует одна страна, один сюзерен, – это демократичный мир? Недемократичный. Разве США и НАТО не продвигают свою военную инфраструктуру к границам России? Продвигают. Все так. Как сказал один левый депутат германского бундестага, Западу по существу нечего ответить президенту России. А раз нечего ответить, то лучше всего обвинить его в цинизме.

Генсек НАТО Яап де Хоп Схеффер тоже крайне разочарован речью Путина. По его словам, расширение альянса – это расширение зоны демократии. Демократии не несут в себе угрозу, вторит ему министр обороны США Гейтс. Но это – демагогия. Расширение НАТО – это не расширение демократий, а расширение военного альянса. А военная инфраструктура, приближающаяся к нашим границам, в себе угрозу несет. Как альянс расширял зону демократии в Югославии, мы уже видели – бомбами и крылатыми ракетами. В Белграде до сих пор не восстановлены разбомбленные мосты. Видимо, это и есть демократия в действии? А вот еще пример. Большинство чехов – 56 процентов – выступают против размещения на территории страны радаров американской противоракетной обороны. Но можете быть уверены – на их мнение наплюют. Ибо демократично лишь то, что выгодно США и НАТО.

Недавно Роберт Гейтс заявил, что американская система ПРО не направлена против России. Но когда его спросили: а готов ли Вашингтон подписать соглашение, которое обязывало бы США не использовать эту систему против России, Гейтс ответил: «Не знаю, насколько это было бы правильно». Выходит так: против России система не направлена, но обязательств не применять ее против нас США брать не будут. Все то же, что и с расширением НАТО: дают словесные заверения, а за ними явственно проступающая ложь. И понятно, что лидерам НАТО очень не понравилась речь Путина: глава России должен был подыграть им, сделать вид, что верит, а он поступил иначе.

А, кстати, почему Путин поступил иначе? А потому, что ему, видимо, надоело в рамках личной дипломатии говорить Бушу, Блэру, Меркель и другим лидерам НАТО о своих тревогах и получать в ответ лишь невнятные бормотания. Семь лет Путин делал вид, что у нас с НАТО все хорошо. Семь лет не обострял. Семь лет пытался побудить их начать считаться с Россией. Результат известен – НАТО намерена включить в себя Украину и создает базы в Восточной Европе вопреки нашим интересам! Вероятно, у Путина была надежда – надежда на то, что с США и НАТО удастся установить подлинно партнерские отношения. И когда 6 декабря 2001 года США вышли из Договора по ПРО, Путин сдержанно сказал: «Считаю, что это ошибка». И проявил понимание. И терпение. А потом проявлял его еще, и еще, и еще. Но это восприняли как должное. И тогда он решил открыто сказать о накопившихся разногласиях. Опять же надеясь, видимо, что его поймут. «Я убежден, – заявил Путин, находясь в Иордании, – что все, что я сказал – чистая правда». Конечно, правда. Только вряд ли она повлияет на США и НАТО. У них своя программа действий и своя повестка дня. И есть ли смысл разговаривать языком правды с теми, кто привык говорить с вами языком лжи?

2007 г.

В чем точно оказался прав Путин

В чем точно оказался прав Путин и неправы его критики, так это в том, что на сломе эпох, в условиях невиданных финансовых пузырей и невиданной прежде схватки за ресурсы, государство должно постоянно быть готовым вмешаться в рыночные процессы.

Басни о невидимой, но удивительно мудрой руке рынка, которая якобы сама все регулирует и выправляет, – всегда выглядели как басни, а сегодня выглядят как чудовищная и злонамеренная ложь. Ибо трудно предположить, чтобы люди, получившие экономическое образование, могли верить в это. Невидимая рука рынка всегда ведет к одному: экономическому и финансовому кризису. Зададимся вопросом: отчего демократ и по убеждениям, и по партийной принадлежности Франклин Рузвельт зажал руку рынка железными тисками государственного «нового курса», чтобы вытянуть Америку из Великой депрессии 30-х годов прошлого века? Ответ: у него просто не было иного выхода, а невидимая рука рынка вела Америку к краху.

Иллюзии о том, что с тех пор все принципиально изменилось и современная рыночная экономика способны выживать сама по себе, начали рушиться еще в 2007 году. Бывший советник президента по экономике, либерал Андрей Илларионов, вошедший в непримиримый клинч с экономической линией Путина и уехавший в США, может сейчас насладиться там результатами торжества либеральной доктрины: разорением крупнейших банков и страховых компаний, вынужденной национализацией ипотечных гигантов, импотенцией власти и полным раздром среди экономических гуру.

На фоне обрушившейся на США гигантской волны, чреватой финансовым коллапсом, на второй план отступили даже президентские выборы, и стерлись, стали незаметными карликами главные кандидаты. Ни у того, ни у другого не оказалось никаких рецептов, кроме благоглупостей, и пока один каждый день говорил обратное тому, что сам утверждал накануне, второй пытался уколоть первого, дабы набрать себе очки. Но ни тот, ни другой не выглядел как лидер, как человек, имеющий ответы и способный предложить их стране. И действующий президент, и кандидаты в президенты вдруг лишились индивидуальности и окраски и превратились в бесплотные привидения – жалкие символы бессилия политической власти самой сильной державы планеты.

Все это – наказание для Америки. По сути, наказание за экономическую недалекость и глупость, а также за неуемную жажду сверхприбылей. Мы свое наказание за это уже получили – в августе 98-го. И именно в ту эпоху, когда нами правили сторонники невидимой руки рынка, которые под прикрытием красивых фраз из либерально-рыночной доктрины с бешеным азартом распределяли между собой, а точнее – разворовывали национальное достояние.

Затем и нужна была идеология безудержного либерализма, чтобы оправдать создание криминального капитализма в России и попытку заодно приватизировать и само государство. Затем и нужна была эта идеология, чтобы создать в нас комплекс неполноценности, слабости, бессилия государства и оставить нас лицом к лицу с мощными и очень неглупыми силами, стремившимися прибрать к рукам российскую нефть, газ и другие богатства. Идеи либерализма и свободы рынка лишь прикрывали нужную для кого-то стратегию освоения России как территории и геополитической единицы. Они были не более чем ширмой.

Сегодня же ширма отодвинута – и мы увидели, что за ней. И это – явно не то, чего мы – или точнее, подавляющее большинство из нас – хотели бы для нашей страны.

2008 г.

Как не стать лошадью под американским всадником

В любом альянсе, говорил Бисмарк, «есть всадник, и есть лошадь, и надо всегда стремиться быть всадником». В рамках «перезагрузки» – отражает ли она стратегическое или тем более тактическое изменение в состоянии отношений, каждая сторона преследует собственные цели и собственные интересы. В одних областях они могут сходиться, в отдельных – даже совпадать, но в ряде других – расходиться, причем самым диаметральной образом.

Для нас не должно быть «перезагрузки» ради «перезагрузки», то есть ради всего лишь видимости хороших отношений, ради иллюзии сглаживания противоречий. Политика сближения с США должна проводиться ради наших интересов, ради усиления наших позиций, ради того, чтобы создались новые возможности для достижения наших внешнеполитических целей.

В любом случае «перезагрузка» – это политическая игра. И есть опасность «проиграть» эту игру, особенно если мы будем превращать «перезагрузку» во внешнеполитический фетиш. Мифология «перезагрузки» не должна довлеть над нами. Тем более что у нас есть опыт аналогичного сближения с США при Горбачеве, Ельцине и Путине.

Во всех трех случаях мы начинали как сторона, исходившая из того, что сближение с Западом позволит нам решить наши внутренние задачи, прежде всего экономические. При Горбачеве была выдвинута задача «ускорения». При Медведеве выдвигается по сути та же самая задача – «модернизация». Борис Ельцин и Владимир Путин также рассчитывали, за счет отказа от конфронтации и налаживания сотрудничества с Западом, решить задачу экономического развития страны. А потому установка на то, что внешняя политика должна, прежде всего, создавать условия для экономического развития страны, практически в неизменном виде кочевала все эти годы из одной концепции внешней политики в другую. В послании президента Медведева Федеральному собранию в ноябре 2009 года было объявлено, что эффективность внешней политики следует измерять уровнем жизни населения страны.

Однако насколько верна такая установка, особенно когда ее превращают в некий абсолютный ориентир? Во всех предыдущих случаях попытка модернизации экономики страны с участием Запада не привела к успеху. Напротив, при Горбачеве она закончилась тотальным геополитическим поражением, а займы, которые тогда выдал Советскому Союзу Запад, лишь увеличили его внешний долг. При Ельцине геополитическое отступление было продолжено. Билл Клинтон периодически показывал российскому президенту «финансовую морковку»: то речь шла об «американской финансовой помощи», то о так называемом «Токийском пакете» помощи со стороны «большой семерки». Тогда, в 1993 году, на саммите в Токио, Ельцину пообещали 40 миллиардов долларов. Однако из этой «помощи» до России дошло в лучшем случае несколько миллиардов.

В обмен на обещания и недешевые кредиты Запад заручился повышенной стоворчивостью Кремля практически по всем международным вопросам, а также ускоренным и плохо подготовленным выводом российских войск из Германии и Польши, что называется, «во чисто поле». Ельцинский министр иностранных дел Андрей Козырев, который за свою неизменно проамериканскую позицию получил прозвище «американский министр иностранных дел в Москве», оправдывал такую стоворчивость и несамостоятельность во внешней политике необходимостью помощи со стороны Запада. Однако западные политики не столько помогали, сколько усиливали геополитические позиции евро-атлантического альянса за счет России и стремились связать Москву целым рядом невыгодных для нее обязательств. Результатом такой линии стало отсутствие у России эффективной внешней политики, с одной стороны, и отсутствие реальной экономической помощи со стороны Запада, с другой.

Назначение министром иностранных дел Евгения Примакова в январе 1996 года позволило частично скорректировать ситуацию, прежде всего за счет усилий самого Примакова,

однако, не остановило общей тенденции геополитического ослабления России. Это выразилось, прежде всего, в неспособности России предотвратить войну НАТО против Югославии, а также заблокировать или затормозить расширение НАТО на восток.

Попытка Владимира Путина наладить «особые отношения» с США и президентом Бушем-младшим также не дала ожидаемых результатов. Путин решительно поддержал Буша после трагедии 11 сентября 2001 года. Москва обеспечила США возможность использовать воздушное пространство России для транзита военного оборудования и боевой техники в Афганистан; проголосовала в ООН за проведение военной операции против правительства талибов; дала «зеленый свет» на создание американских военных баз в среднеазиатских республиках; использовала свое влияние на так называемый «Северный альянс» – союз боевых командиров северо-востока Афганистана – для организации наземного наступления сил альянса на Кабул и свержения правительства талибов; наконец, договорилось с США о сотрудничестве российских и американских спецслужб с целью обмена разведанными о террористических мусульманских организациях.

В ответ Россия получила не согласование интересов, а чисто «одностороннюю» политику США – от выхода США из Договора по ПРО до «второй волны» расширения НАТО на восток. Администрация Буша стремилась максимально воспользоваться стремлением России к сотрудничеству, не желая при этом серьезно учитывать российские интересы. Это показал и демонстративный срыв «плана Козака» по Молдавии (который правомерно было бы назвать «планом Путина»); и открытая поддержка Виктора Ющенко и «оранжевых» на Украине; и усиленные попытки вовлечь Украину в НАТО; и вооружение Грузии с целью подготовки ее к войне против России. При этом экономическое и инвестиционное сотрудничество с Россией так и не стало приоритетом администрации Буша. Возросший в 2006–2007 годах поток инвестиций с Запада, и прежде всего из Европы, в нашу экономику был связан в основном с экономической стабилизацией в стране, сравнительно высокими темпами ее развития, а также привлекательным характером проектов, в которых мог участвовать западный бизнес, но никак не тесным внешнеполитическим сотрудничеством.

Если опыт взаимодействия с США при Горбачеве, Ельцине и Путине о чем-то и говорил, то лишь об одном: политическое сближение с США, поддержка их внешнего курса и односторонние уступки со стороны России НИКОГДА не приводили к широкому участию Запада в процессе модернизации российской экономики. Есть ли серьезные основания полагать, что на сей раз будет иначе?

Обратите внимание на позицию Китая. США выдвинули идею большой двойки (G-2), Обама едет в Пекин, предлагает альянс Китаю. Но китайцы отвечают: партнерство, более глубокие отношения – пожалуйста, но никаких альянсов. Китайцы не хотят себя ограничивать, связывать себе руки обязательствами. Америка имеет сейчас слишком большую систему обязательств. И понятно, что администрация Обамы хотела бы привлечь другие страны к выполнению этих обязательств, которые она на себя взяла и которые ее уже частично завели в тупик – в том же Ираке, в Афганистане, в Пакистане. У США – огромная сумма обязательств. Должны ли мы помогать им и участвовать в этих обязательствах? Это непростой вопрос.

Однако совершенно ясно одно: вряд ли нам нужно позволить втянуть себя в поддержку США без совершенно ясных и определенных встречных шагов со стороны США. Лидеры США любят демонстрировать дружелюбие, хлопать своих российских партнеров по плечу, обозначать свое хорошее отношение к ним, называть их друзьями и т. п. На это в свое время попался Горбачев, а вскоре и Борис Ельцин. Джордж Буш попытался применить ту же тактику к Путину, но с меньшим успехом (хотя в 2001–2003 годах Буш получил немало уступок от Москвы). Таким образом, негативный опыт, который мы приобрели в этой сфере, может сыграть и позитивную роль. Мы не должны повторить прежнюю ошибку: ради видимости партнерства идти на серьезные уступки в сфере большой политики.

2011 г.

Закат Европы?

В США давно критиковали Евросоюз за отсутствие единого центра принятия решений и неспособность говорить одним голосом. «Если я хочу позвонить в Европу, то какой номер я набираю?» – сказал как-то бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, и его цитируют до сих пор. И действительно – куда звонить? У Евросоюза нет ни Белого дома, ни Кремля, а Еврокомиссия в Брюсселе, при всех ее полномочиях, не влиятельнее, чем национальные правительства.

И вот, по мнению карикатуриста из американской газеты «Интернэшнл Геральд Тридьюн», теперь Европа преодолела этот недостаток. На рисунке – представитель США, похожий на министра финансов США Тимоти Гейтнера. Он назидательно говорит европейцам: «Дела пошли бы лучше, если бы Европа заговорила одним голосом». И все европейцы в один голос дружно кричат в ответ: «Хелп!» – «Помогите!»

Осенью 2011 года стало ясно: банкротства Греции, судя по всему, избежать не удастся. А последствия этого могут быть самыми мрачными, вплоть до развала еврозоны и гибели евро как единой европейской валюты. Такую опасность давно уже предсказывал известный финансист Джордж Сорос, да и не он один.

«Конец Европы» – так жестко оценил ситуацию американский журнал «Тайм». Что же, похоже, действительно пришел конец той Европе, которую мы все знаем и которая, объединившись в Евросоюз, была образцом социального благополучия и примером для всего остального мира.

«Прощайтесь со старым порядком вещей», – пишет журнал «Тайм», имея в виду не только Европу, но и весь миропорядок, установившийся в конце XX – начале XXI века. Полный триумф Запада, наступивший после падения Берлинской стены, распада СССР и расширения НАТО вплоть до границ России, был не слишком долгим. Сегодня его ставит под сомнение не только растущая мощь Китая, который уже не стесняется использовать право вето в Совете Безопасности ООН, но и стремление к самостоятельной политике таких новых экономических центров силы, как Индия, Бразилия, ЮАР, Мексика.

И обратите внимание: не где-нибудь, а именно в Европе прошли наиболее крупные беспорядки последних лет. Недовольные громили магазины, грабили банки и дома, поджигали офисы не в Москве или Дели, не в Кейптауне или Пекине, а в Лондоне и Бирмингеме, Афинах и Мадриде. Так Европа расплачивается за три греха.

Грех первый – вопреки заветам Библии, Европа, вслед за США, сотворила себе кумира: неолиберальную модель развития, которая сделала сверхприбыль главной целью экономического развития. Один из результатов: огромный разрыв между богатыми и бедными. Не случайно обезумевшая толпа недавно бесчинствовала именно в Великобритании. Как пишет журнал «Тайм», «в течение последних 20 лет Британия, как и США, были одновременно центрами создания огромных богатств и растущего разрыва в распределении этого богатства». И когда, в условиях кризиса, британское правительство начало сокращать бюджетные расходы, это ударило, прежде всего, по социально уязвимым слоям. И не приходится удивляться, пишет «тайм», что «самые бедные слои населения в крупных европейских странах с самым большим экономическим неравенством теперь выходят на улицы. Удивительно лишь то, что это не произошло раньше».

Грех второй: Европа давно уже жила в долг. Отсюда – эпидемия бюджетных дефицитов и растущего госдолга, охватившая весь юг Европы, особенно глубоко поразившая Грецию. Правительства покупали социальный мир и благополучие ценой все новых заимствований. Но пришел кризис, и бесплатный сыр кончился, и туго натянутая пружина долговой мышеловки захлопнулась.

Грех третий: из кризиса не было сделано выводов. Точнее, какие-то были сделаны, но европейская элита не захотела ничего всерьез менять – или не смогла. «С самого начала финансового кризиса мы знали, что весь порядок вещей в мире меняется самым глубоким образом, – пишет «Тайм». – Но мы попробовали отгородиться от этих изменений разговорами о временных ошибках и циклических спадах... Однако речь идет о кризисе, который не только сотрясает наши рынки, заставляет людей терять работу и нарушает перспективы национального роста, но и ставит под вопрос все наши представления о том, как функционирует современный мир, и в частности представление, что для каждого нового поколения, живущего на западе, жизнь становится все лучше, а возможности – все шире».

Это – суровый вердикт. Если последующие поколения европейцев будут жить хуже, чем нынешние, в отличие от жителей Индии, Бразилии, Китая или ЮАР, то это нанесет мощный удар и по роли Европы в мире, и по ее демократическим ценностям, которые будут восприниматься иначе, чем сегодня. А США Европе помочь сейчас ничем не могут.

«С тем крайне низким экономическим ростом, который наблюдается в Америке, – пишет журнал «Тайм», – мы даже не можем спасти сами себя от 9-процентной безработицы в нашей собственной стране, а не то что начать спасать мир».

«В США наступила новая Великая Депрессия, – отмечает один американский издатель, – только на сей раз вместо очередей за супом мы видим очереди за пособиями по безработице».

Конечно, Европа не рухнет в историческую бездну. Здесь накоплены огромные состояния, а европейские города еще долго будут среди самых богатых в мире. И евро, скорее всего, тоже не рухнет, по крайней мере, в обозримой перспективе. Но если Европа погрузится в длительный, затяжной период глубокой депрессии, то ее ждут и серьезное падение уровня жизни, и крупные социальные потрясения. И тогда в мире будут с ностальгией вспоминать о минувшем золотом веке Европы. А она сама превратится в стареющий музей культуры, в котором сохранятся удивительные экспонаты ее бывшего величия, но уже не будет ни нынешнего бурления жизни, ни завораживающего будущего.

2012 г.

123 000 000 000 000, или Кто тратит больше всех на Елисейских Полях

Альтернативой США – и как экономике, и как модели – становится Китай. «Вашингтонский консенсус» уступает место «пекинскому». То, что Китай бросит вызов Соединенным Штатам, было ясно уже давно. Об этом споров не было. Спор идет только о сроках. Кто-то называл 2030 год, а кто-то – 2040 год. Некоторые указывали и на 2050, однако глобальный экономический кризис плюс «лишняя война» США в Ираке, как ее иногда называют западные критики, уже к 2010 году ослабили потенциал Америки и резко усилили потенциал Китая.

По прогнозу Роберта Фогеля, нобелевского лауреата в области экономики, объем китайской экономики к 2040 году достигнет 123 триллионов долларов. Впечатленный этой цифрой, американский журнал «Форин полиси» вынес ее на разворот. 123 000 000 000 000 долларов! А ведь в 2010 году ВВП первой страны мира – США – составил «всего» 14 с половиной триллионов.

По оценке Фогеля, через 30 лет годовой доход на душу населения в Китае достигнет 85 тысяч долларов, что в два раза превысит запланированный доход по Евросоюзу. То есть, средний житель любого китайского мегаполиса будет жить в два раза лучше, чем рядовой француз. И хотя обогнать США по размеру дохода на душу населения не удастся, доля Китая в мировом ВВП составит 40 процентов, тогда как на США будут приходиться лишь 14 процентов, а на ЕС – 5 процентов от мирового ВВП. «И это как раз то, что принято называть экономической гегемонией», – пишет Роберт Фогель (Robert Fogel. *Whe China's Economy Will Grow to \$123 Trillion by 2040*. «Foreign Policy», January-February 2010).

Предсказания, что кризис ослабит позиции США и усилит Китай, стали «общим местом» даже в самих Соединенных Штатах. В глобальном плане – за счет ослабления Америки – китайцы превратятся в «государство № 2» гораздо раньше, чем все думали. И Америка будет должна с ним все больше и больше считаться. Это подтверждается и цифрами. В 2007 году Китай опередил Германию и вышел на третье место по объему ВВП. К 2010-му году по этому показателю Китай опередил Японию и стал второй экономической державой мира.

Есть и другие факторы, играющие в пользу Китая. Первый, и очень важный, по мнению Фогеля, фактор: огромные финансовые вложения в сферу образования. Известно, что качественная рабочая сила намного продуктивнее. В Китае государственное финансирование образования постоянно растет. Уже в следующем поколении Китай сможет увеличить набор в вузы еще на 100 %, а набор в школы – на 50. Одно это даст большой прирост экономике страны.

Второй фактор – роль аграрного сектора. 55 процентов населения Китая, или 700 миллионов человек, все еще живут в сельской местности. «Когда мы представляем себе будущее Китая, – пишет Фогель, – то обычно думаем о небоскребах Шанхая и заводах Гуаньдуна. Однако именно прирост в сфере сельского хозяйства может стать новым экономическим двигателем Китая».

Важно и то, продолжает Фогель, что китайская политика совсем не такая авторитарная, какой ее многие считают. В Китае, конечно же, не демократия, но в высших эшелонах власти проводится больше дебатов и звучит больше критики, чем можно себе представить.

«Как-то раз, – пишет Фогель, – я участвовал в ежегодной встрече Китайского экономического общества. Там были и весьма критично настроенные люди. Разумеется, они не кричат: «Долой Ху Цзиньтао!», но периодически выступают с критикой правительства в пекинских газетах. В таких случаях министр финансов Китая просто поднимает телефонную трубку и говорит: «Почему бы нам как следует не обсудить Вашу позицию, мне было интересно узнать, что вы думаете по этому вопросу». И поэтому экономическое планирование в Китае куда более открыто для новых идей, чем в прежние времена».

И, наконец, очень важен бурный рост потребления в Китае. Сегодня Китай – самая густонаселенная капиталистическая страна в мире. По уровню жизни китайские мегаполисы уже можно приравнять к странам с «высоким средним доходом», скажем, к Чехии. В будущем же китайцы будут потреблять все более активно.

Кстати, эти оценки подтверждаются весьма неожиданными цифрами, опубликованными по Франции. По объему покупок на одной из самых дорогих и престижных улиц французской столицы – Елисейских Полях, на первое место в 2010 году вышли... китайские покупатели! В среднем каждый из них оставлял в недешевых магазинах на Елисейских Полях по 1357 евро. Китайские покупатели уверенно опередили богатеи из Саудовской Аравии (их расходы составили 1296 евро на человека), России (1051 евро), США (956 евро) и Японии (832 евро) (Le Figaro, 21–22 aout, 2010). Еще 5–7 лет тому назад такое представить себе было просто невозможно.

Вернемся, однако, к Фогелю. Да, пишет он, у Китая есть «свои собственные кошмары» – социальные беспорядки, террористические акты, нехватка энергетических ресурсов и воды, ухудшение экологии и так далее. Но все это не секрет для китайских лидеров, и в последние годы Пекин пытается решать эти проблемы. «Уже ясно – будущее будет писаться в Китае, а не в Европе, где уже давно отказались от своей мечты о мировом доминировании», – делает вывод Роберт Фогель.

И не случайно в Соединенных Штатах была выдвинута идея о том, что Америка должна установить стратегическое партнерство с Китаем, создав «Большую двойку», чтобы вместе решать крупнейшие проблемы современного мира. В каком-то смысле это жест отчаяния со стороны американцев. Ведь еще 40 лет назад Вашингтон даже на дипломатическом уровне не признавал Пекин. А теперь в США убеждены: Китай – это абсолютно необходимый партнер для Америки.

Финансовый кризис, который подорвал экономическую мощь США, неудача в Ираке, которая сильно ограничивает дальнейшее использование вооруженных сил за пределами США, и уверенная поступь самого Китая – вот три фактора, определяющие соотношение сил в мире завтрашнего дня.

2010 г.

Новая зона влияния с центром в Пекине

Конец 2009 года многие наблюдатели назвали временем окончательного превращения Китая в сверхдержаву. И связали это, прежде всего, с тем, что Китай не поддался на американское давление на декабрьском климатическом форуме в Копенгагене. Фактически Китай сыграл роль противовеса Соединенным Штатам на этом форуме и подтвердил тем самым свою способность не слишком оглядываться на Соединенные Штаты Америки в проведении своей внешней политики.

Есть еще как минимум одна сфера, в которой Китай становится равным партнером Соединенных Штатов. Китай также является главным партнером Соединенных Штатов в области торговли, а китайско-американская торговля стала самой крупной двусторонней торговлей по объему операций и в области финансов.

В этих сферах взаимодействие между американскими и китайскими интересами становится решающим для глобальных процессов. Да, Китай еще не превратился в глобальную державу с точки зрения международного влияния и интенсивности своей внешней политики. Он еще не может сравниться с Соединенными Штатами и по военно-техническим параметрам. Но Китай постепенно набирает вес и в этих сферах. Китай успешно создает свою собственную зону влияния, а это является признаком любой сверхдержавы. Зоны влияния Соединенных Штатов известны. Они простираются от Японии до НАТО и охватывают многие ключевые точки земного шара, такие как Ближний Восток, Дальний Восток, Европа, Южная Азия. Китай также создает свою собственную зону влияния – прежде всего, по периметру своих собственных границ. Китай граничит с 16 странами и ведет себя весьма разумно с каждой из них. В Иносми, например, отмечают, как грамотно Китай выстраивает отношения с малыми государствами. Он к ним достаточно снисходителен и проявляет готовность понимать их нужды и их интересы. В частности, Китай предоставляет большие беспроцентные кредиты на долгие сроки. В 2009 году Китай предоставил беспроцентный пятимиллиардный кредит Молдавии. Хотя Молдавия не относится к тем странам, которые граничат с Китаем, но, тем не менее, это показательный пример. Малым странам сложно выстраивать отношения с крупными державами, которые стремятся подчинить себе интересы малых государств. Так ведут себя США, так ведет себя Россия с Белоруссией, так ведет себя Индия с Непалом. Как отмечает газета «Индия таймс», всегда, когда Индия ведет переговоры с Непалом, она непременно старается настоять на своем и добиться своего на переговорах.

Китай идет по пути уступок малым странам – уступок коммерческих, финансовых, кредитных. И за счет этого приобретает гораздо большее. Тот же пятимиллиардный кредит Молдавии для общего объема внешних финансовых операций Китая – это не столь много, но зато Китай создает прочную основу отношений с этой страной. То есть Китай ведет себя не близко-руко. Китай ведет себя стратегически, в отличие от тех государств, которые пытаются малые страны, находящиеся в зависимости от них, жестко подчинить своим интересам, выбить из них максимальные уступки. Примером таких отношений стали сложные отношения России с Белоруссией. Они привели к тому, что Белоруссия начинает в большей степени ориентироваться на Европейский Союз.

Опыт Китая и практика китайской внешней политики говорят о том, что с малыми странами есть смысл выстраивать отношения, идя им на некоторые уступки, так, чтобы они чувствовали признательность. За счет этого и создается зона влияния. Именно такой подход и является проявлением стратегического мышления.

2010 г.

Зачем США демократизация КНР

Присуждение в октябре 2010 г. Нобелевской премии мира китайскому диссиденту, который известен в основном критикой коммунистического Китая, не имеет непосредственного отношения к усилиям по укреплению международного мира. Но стало ясно, что Нобелевский комитет испытывает катастрофический дефицит кандидатов из числа тех людей, которые призваны заниматься улучшением состояния дел в международном сообществе. Он уже присудил Нобелевскую премию мира президенту США Бараку Обаме, который сам признал, что получил эту награду скорее за намерения, чем за содеянное. Причем с тех пор так и не было ни одного подтверждения правильности этого решения.

Война в Афганистане продолжается. В октябре 2011 года мир отметил уже 10 годовщину этой войны. Что касается Ирака, то хотя США официально вывели отсюда все боевые соединения, там остались 50000 американских военнослужащих – так называемые «силы безопасности». Таким образом, оккупация этой страны продолжается. Военные соединения были выведены либо в соседний Кувейт, либо на американские базы на Ближнем и Среднем Востоке. В силу этого нельзя говорить, что они окончательно покинули этот регион. Напротив, они могут вернуться в Ирак в любой момент. А 19 марта 2011 г. США начали третью войну в мусульманском мире – войну против Ливии.

Когда члены Нобелевского комитета отстаивали правильность своего решения, они выражали надежду, что деятельность Барака Обамы на посту президента США принесет быстрые и заметные результаты. Однако этого не произошло. Глава Белого дома выступил с несколькими хорошими речами, «протянул руку» исламскому миру (хотя это совершенно не помогло сдвинуть с мертвой точки процесс ближневосточного урегулирования) и начал «перезагрузку» в отношениях с Россией (хотя такого рода «разрядки» напряженности между США и Россией бывали и раньше). Но говорить о каких-то долгосрочных и качественных изменениях пока не приходится. Обама также попытался наладить «особые отношения» с Китаем, но и из этого не слишком много вышло. Во всяком случае, Китай отказался от американского предложения нести вместе с Америкой ответственность за судьбу всего мирового сообщества. Словом, внешняя политика Обамы показала, что премию мира он получил с гигантским авансом, который он не оправдал.

Присуждение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту связано с тем, что Китай сегодня в сознании Запада – главная держава, с которой в XXI веке ему придется иметь дело. В отличие от Москвы, Пекин идет не по пути заимствованных на Западе либеральных реформ, а движется своим собственным курсом при сохранении жесткой политической системы и однопартийности.

Экономический либерализм, который существует в Китае, пока не ставит под сомнение жесткую линию на управление этими процессами со стороны китайского руководства. Соответственно, у Запада крайне мало способов воздействия на Китай и его международное поведение, в т. ч. и в экономическом плане. Это, в свою очередь, превращает Китай в некую манию, предмет одержимости для Запада. «Сознаем мы или нет, но Китай стал настоящим мировым лидером», – написал Джордж Сорос в газете «Файнэншл Таймс». Однако на самом деле на Западе это уже осознали. Более того: мировой лидер такого масштаба, с таким населением, с ВВП, который составляет более 5 трлн. долларов и уже опережает японский, а через 10–15 лет может приблизиться к американскому, не может не вызывать большого беспокойства и даже тревоги на Западе. И там думают о том, как «приручить» эту неконтролируемую силу и как получить какие-то рычаги воздействия на Китай.

Наилучшим способом влияния США на Китай была бы, конечно, демократизация Китая. Она привела бы к нарастанию хаоса в стране и утрате централизованного руководства, а также

позволила бы Западу оказывать гораздо большее воздействие на ход китайского развития. Побывав несколько лет назад в Китае, я понял, почему в США так часто говорят, что Китай должен демократизироваться. Дело не только в идеологии. Здесь – политический расчет: демократизация, скорее всего, станет концом китайского «экономического чуда». «Демократический» Китай, где начнутся неуправляемые процессы, не сможет соперничать с Америкой.

Возможно, когда-то Китай и превратится в демократию. Однако если он хочет соревноваться с Америкой за звание первой экономической державы мира (а такое стремление очевидно: после визита в Китай в ноябре 2009 г. Барак Обама сказал, что «Китай не согласится на второе место»), то в Пекине должны сохранить нынешнюю систему управления. Иначе Китай не сможет решить огромные социальные проблемы, не сможет поднять не только крупные, но и небольшие города, не говоря уже о деревне, где уровень жизни до сих пор намного ниже, чем в китайских мегаполисах. Демократизация помешает КНР создать по-настоящему конкурентоспособную высокотехнологичную экономику. И поставит под вопрос значительную часть тех успехов, которыми Китай сегодня по праву гордится.

Присуждение Нобелевской премии китайскому диссиденту – это частично акт солидарности с человеком, который находится в тюрьме и который разделяет западные ценности. Но это и ясный сигнал китайскому руководству: на Западе, при всех расшаркиваниях и реверансах, Китай рассматривают, прежде всего, как чуждую и враждебную силу.

2010 г.

Российско-китайский вызов Вашингтону

Самым крупным внешнеполитическим событием октября 2010 года стало голосование в Совбезе ООН по Сирии, а точнее – вето, которое наложили Россия и Китай на резолюцию, предложенную странами Запада во главе с США. США и их союзники рассчитывали провалить резолюцию, которая, осуждая действия правительства Асада против демонстрантов и противников режима в Сирии, открыла бы дорогу для прямого давления на руководство этой страны, и не исключала бы применение силы. Дальнейший сценарий, скорее всего, был бы такой же, как в Ливии: прямое вмешательство стран Запада во внутренний конфликт в этой стране, ракетно-бомбовые удары и смещение нынешнего сирийского руководства. Однако Россия и Китай дали ясно понять, что они не допустят повторения ливийского сценария в еще одной стране.

В ответ взбешенная Хиллари Клинтон заявила, что теперь Россия и Китай должны «представить свои объяснения сирийскому народу» по поводу решения заблокировать резолюцию по Сирии.

Но для начала США следовало бы представить свои объяснения народу Ирака по поводу того, что государство было без всяких оснований оккупировано американцами. Причем в результате, по разным данным, погибли от 100 000 до 300 000 иракцев, которые не имели никакого отношения к войне. Кроме того, Хиллари Клинтон должна была бы от лица США представить свои объяснения тем мирным жителям Афганистана, которых с завидным постоянством убивают американские вооруженные силы.

Однако когда к г-же Клинтон обратились с просьбой прокомментировать убийства мирных жителей в Афганистане, она ответила: «Потерь среди мирного населения в результате действий коалиции избежать нельзя».

США могли бы также представить объяснения по поводу гибели от американских бомб гражданских лиц в Ливии. Руководство США и НАТО утверждает, что обеспечивало защиту гражданского населения в этой стране. Однако в результате этой защиты в городах, которые бомбили самолеты НАТО, погибли сотни гражданских лиц, включая детей и женщин. Самый известный случай касается ни в чем не виновных внуков Муаммара Каддафи, но было и много других жертв. Но никаких объяснений не представлено: как и в случае с бомбежками Белграда в 1999 году, американская сторона сделала вид, что этих жертв не было.

Таким образом, Хиллари Клинтон подтвердила: и при Обаме США не собираются отказываться от двойных стандартов в оценке внешнеполитических событий. То есть Америке позволено все, и дело других стран – ее поддерживать и держать рот на замке. Однако в отличие от США в Ираке, Афганистане и Ливии, Россия не совершила никаких преступлений против народа Сирии. И поэтому никаких объяснений она давать не должна.

Вето со стороны Китая и России было ожидаемым. Ни Москва, ни Пекин не хотят повторения в Сирии ситуации с Ливией. Напомню, что в случае с Ливией Совбез ООН принял резолюцию № 1973, которая предполагала защиту гражданского населения на территории этой страны. Но эта резолюция была использована НАТО для прямой вооруженной поддержки повстанцев в Ливии, для передачи им оружия и отправки туда подразделений спецназа, которые вряд ли ограничивались простым консультированием повстанцев. Дмитрий Медведев, который в феврале принял решение о том, что Россия не будет противодействовать принятию резолюции по Ливии, позже заявил, что она была искажена и попорчена странами НАТО.

Характерно и то, что при голосовании воздержались три других крупных государства, которые претендуют на особую роль в мировых делах: Бразилия, Индия и ЮАР. Как и Россия, и Китай, все они – члены БРИКС. Голосование в Совете Безопасности ООН показывает, что США злоупотребляют своим положением державы № 1. Они считают, что способны провалить любую резолюцию, а потом, исказив ее до неузнаваемости, использовать ее для проведения

военной операции, как это было в случае с Ливией. США, видимо, рассчитывали, что Россия и Китай в последний момент дадут слабину и воздержатся от применения права вето. Но расчет оказался неверным. При этом делегации России и США в ООН обменялись жесткими упреками. Как заявил представитель России, она считает неприемлемой «ультимативную угрозу применения санкций», а предлагавшийся Западом документ «может спровоцировать полномасштабный конфликт в Сирии и, как следствие, дестабилизацию региона в целом».

На это в ООН постпред США Сюзан Райс возразила: «давайте покончим со спекуляциями – дело здесь не в военной интервенции и не в Ливии. Это дешевая уловка, придуманная тема, кто предпочитает продавать оружие сирийскому режиму, а не защищать права сирийского народа». В ответ Виталий Чуркин выразил недоумение, что «упреки высказывает представитель страны, которая вкачивает в регион сотни миллиардов долларов в виде оружия и военной техники».

Голосование по этой резолюции также показало, что ведущие державы мира за пределами НАТО уже не хотят автоматически поддерживать силовые акции США и их союзников. Голосование по этой резолюции – не отдельный случай и не просто досадный срыв для дипломатии США. Это – еще одно свидетельство того, что серьезно меняется тот миропорядок, который был характерен для конца XX – начала XXI века. И Соединенным Штатам его уже не вернуть.

2010 г.

Юбилей Путина и Евразийский Союз

60-летний юбилей Владимира Путина превратился в серьезный повод для многочисленных оценок личности и политики Владимира Путина, в том числе и его международного курса.

На тот момент, когда Владимир Путин стал президентом, Россия уже испытала две модели внешней политики. Первую попытался провести в жизнь тогдашний министр иностранных дел Андрей Козырев с согласия и одобрения Бориса Ельцина. Это была модель альянса с Соединенными Штатами и Западом, причем Россия должна была отбросить все претензии на независимость и стать младшим партнером США.

Однако этот «эксперимент» не удался. Результатом стал не альянс с Западом, а резкое ослабление страны. В ответ на наши заискивания на Западе решили расширить НАТО в направлении российских границ. Ельцин был в шоке – он отправил Козырева в отставку и назначил на его место Евгения Примакова, но было уже поздно.

Примаков взял курс на противодействие военной и политической мощи США по отношению к Ираку и Югославии, а также попытался остановить расширение НАТО. Но и этот курс, в силу финансовой и экономической слабости России дал лишь ограниченные результаты.

Владимир Путин попробовал еще раз наладить стабильное стратегическое сотрудничество с Соединенными Штатами. В 2001 году он встретился с Джорджем Бушем в Любляне, и с этого началась фаза улучшения отношений между Кремлем и Белым домом. Однако личные отношения – это зачастую одно, а геополитика – это другое. Встреча в Любляне не помогла предотвратить вторую волну расширения НАТО, настойчивые попытки распространить альянс на Украину и Грузию. Кроме того США вышли из договора о ПРО в Европе. И тогда стало ясно, что у России есть лишь один путь – развиваться в качестве самостоятельного центра силы, – самостоятельного, но не изолированного, и способного взаимодействовать с другими центрами экономической и политической мощи.

Переломным моментом стала речь, произнесенная Владимиром Путиным в Мюнхене в феврале 2007-го года. В своем выступлении Путин разъяснил странам Запада, почему Россия не может согласиться с той моделью мира, которую пытаются выстроить США и их союзники. На Западе это заявление было воспринято и подано общественности чуть ли не как попытка вернуться к «холодной войне». Но на деле это обвинение западные политики и стратеги могли бы обратить к самим себе – ведь на самом деле многие из них «холодной войны» с Россией не прекращали.

Мюнхенская речь стала важнейшим этапом в осознании руководством России как возможностей, так и объективных ограничений в наших отношениях с Западом. Сегодня абсолютно очевидно, что у России практически нет перспектив вступления ни в НАТО, ни в Европейский Союз. Таким образом, движение в западном направлении для нас ограничено. В то же самое время возросло значение азиатского вектора в нашей внешней политике.

Сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион превращается в настоящую мастерскую современного мира, главный локомотив глобальной экономики. Судя по всему, Владимир Путин хорошо осознал эти тенденции и, исходя из ограниченности наших возможностей на западном направлении, решил сбалансировать российскую внешнюю политику развитием восточного вектора. Это нашло свое отражение в принципиальной политике сближения и стратегического партнерства с Китаем, в экономической плоскости – в том числе в области развития поставок энергоносителей, и в политической – прежде всего в тесном сотрудничестве по проблеме Сирии. И на саммите АТЭС во Владивостоке было четко сказано, что наша задача состоит в том, чтобы азиатский вектор нашей экономической стратегии был не слабее, чем западный вектор.

За годы своего правления Владимир Путин сумел подвести итог двадцатилетним поискам России своего места в современном мире и сделать правильные выводы из того опыта, который мы приобрели. Повторим: нас не ждут в западных военно-политических и политико-экономических организациях и структурах. Россия должна развиваться как самостоятельный интеграционный центр. Эта идея уже нашла свое отражение в стратегии создания Евразийского союза. Как мне представляется, это и будет важнейшим стратегическим направлением российской внешней политики. Идея Евразийского союза обсуждалась давно, но именно Владимир Путин смог перевести эту идею в практическую плоскость.

2012 г.

Россия – Китай: формирование тандема

Пожалуй, ни одна предыдущая поездка Путина в Китай, при всей их важности, не привлекала к себе такого внимания. После резкого ухудшения отношения между Западом и Россией из-за событий на Украине, переговоры Путина и Си Цзин-Пиня в Шанхае в мае 2014 г. должны были дать ответ на важнейший вопрос: решится ли китайское руководство в этой ситуации пойти на усиленное политическое и экономическое взаимодействие с Москвой. Теперь ответ получен – и он однозначен: российско-китайский стратегический тандем состоялся.

Сказать, что в США и Европе результаты переговоров в Китае вызвали замешательство – значит, ничего не сказать. Там отлично поняли, что означает и договоренность о координации внешней политики двух стран, и газовый контракт, превращающий Китай во второго после Германии потребителя российского газа в мире. И прежде всего, поняли, что стратегическое сближение России и Китая подрывает политику изоляции Путина, которую пытается проводить президент США Обама. Теперь уже ясно, что эта политика не сработает. США могут выпрыгивать из штанов, всеми правдами и неправдами подбивая десятки стран голосовать в ООН против России, но один лишь гигантский вес Китая, брошенный на чашу глобального противостояния, означает больше, чем пассивная и во многом вынужденная позиция десятков менее значительных государств. Поведение Китая здесь – это как поступь Гулливера среди лилипутов.

Отвергнув прямые намеки Обамы на совместное руководство миром в рамках большой двойки с США, Китай делает выбор в пользу стратегического сближения с Москвой.

«Это означает экономическую и геополитическую перестройку, которая позволяет двум старым противникам объединиться против США и Европы», – написала по этому поводу газета «Интернэшнл Нью-Йорк Таймс».

Решительное сближение Пекина с Путиным, чуть ли не официально объявленного врагом объединенного Запада, – это, конечно, перчатка, брошенная США как пока еще глобальной державе номер один. И если в Пекине идут на это, то не из авантюризма и переоценки своих сил. А потому, что доверие между Пекином и Вашингтоном сегодня равно нулю.

В руководстве Китая нет ни малейших иллюзий насчет намерений администрации Обамы, сколько бы он ни обхаживал китайских руководителей. Суть политики выражена ясно – это сдерживание Китая. Во всех дальневосточных спорах Вашингтон неизменно встает на сторону других стран, неизменно осуждает Пекин и демонстративно расширяет свое военное присутствие в АТР. Да, между двумя странами есть огромная экономическая взаимозависимость – но есть и огромное геополитическое недоверие. И неудивительно, что в Пекине решили теснее координировать свою внешнюю политику с Путиным, но не с Обамой.

Отсюда – формирование российско-китайского внешнеполитического тандема. Если совместное голосование в Совбезе ООН могло восприниматься сперва как нечто тактическое, то после начала сирийского кризиса и трех совместных российско-китайских вето стало ясно: речь уже идет о стратегии. Сегодня же можно говорить о формировании геополитического альянса Москва-Пекин – на основе неприятия санкций и политики смены режимов. И у США и их европейских союзников есть все основания отнестись к этому серьезно.

Тем более что в пределах пары лет Китай уже опередит флагмана так называемого «свободного мира» по объему ВВП: сегодня у Китая – 87 процентов от американского, но уже к 2016 году США перестанут быть экономической державой номер один. Это нанесет огромный удар и по американской самоуверенности, и по всему восприятию западного мира: его символ, его лидер, его опора – Соединенные Штаты Америки станут лишь вторыми в мире. Эрозия западного господства в такой ситуации неизбежна.

США могла бы еще спасти гибкая и умная политика, которая могла бы затормозить неизбежно сокращение их роли. Однако политика США, напротив, недальновидна и конвульсивна. Сегодня Обама делает то, что делали США в совсем другое время – в годы холодной войны, когда на них приходилась почти половина мирового ВВП: Вашингтон вступает одновременно в политическую конфронтацию и с Москвой, и с Пекином. Тем самым нарушая важнейшую заповедь американской внешней политики последних 40 с лишним лет. Заповедь, которая гласит: США не могут позволить себе двойного антагонизма с двумя мировыми гигантами – и с Россией, и с Китаем. Это понимали и Никсон, и Картер, и Рейган, и Буш-старший, и Клинтон и даже Буш-младший. Но, похоже, не понимает администрация Барака Обамы.

2014 г.

Евгений Примаков: разворот во имя России

В июне 2015 г., на 86-м году жизни скончался Евгений Примаков.

Примаков был одной из самых заметных политических фигур нашего времени: он был и руководителем службы внешней разведки, и министром иностранных дел, и премьер-министром, причем в самые сложные для нашей страны времена. Мы все помним его разворот над Атлантикой, когда он прервал свой визит в США в знак протеста против бомбардировок Белграда. Придя в смутное ельцинское время во власть, Примаков также напомнил всем, что даже в смутное время в политике есть место достоинству и порядочности.

В 1998 году, когда он занимал пост министра иностранных дел России, американская консервативная газета «Уолл-стрит Джорнэл» опубликовала статью-обращение к Борису Ельцину. Называлась она так: «Увольте Примакова». Заголовок был откровенно хамский, статья – тоже. Впрочем, это был именно тот тон, в котором с нами тогда общалась значительная часть американского политического класса. Мне запомнилась эта статья потому, что тогда же в одной российской газете я написал на нее ответ. Позволю себе его процитировать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.